Автор: FINDME3
07.04.2012 13:42 -

Лето, ах лето... или Почему меня девушки не любят?

Сначала застенчивая девица-весна со своими проливными дождями и заунывным, все еще пронзающим до нутра ветром неуверенно потеснила злую скарежницу-зиму.

Потом, немного успокоившись в своем чувстве и увидав, что её нордическая мачеха уже ей не соперница, по-девичьи невинно и застенчиво улыбнулась. Одарила первым робким солнышком, затараторила неугомонными дроздами и взорвалась по садам первым чистым цветом белокурых вишень и розовощеких яблонь.

И – тут как тут на скорую смену ей, этой тихой недотроге, сумасшедшими соловьиными серенадами в бессонной синеве июньских ночей, пьянящим до головокружения нашатырем сирени и акаций, бойко и громко, как сам пьяный черт на тройке вороных, ворвалось чувственное и хмельное лето.

Хриплой жаждой в пересохшем от ненужных слов и забытых наречий горле, сорвавшимся с цепи неизвестно откуда собачьим голодом по забытым за прошедшие полгода любви и ласке, оно, взбалмошное, что мочи ударило в желтые медные литавры жареного на небе солнца, оглушило первобытным ревом проснувшейся крови по высохшим венам и, не спрашивая разрешения у умной цивилизации, приказало каждому прыщавому юноше, занятому мужчине и даже мающемуся бездельем старику хотя бы раз в году ощутить в себе неистовый первобытный зов природы.

И вот все размытые холодом и непогодой личики женского пола, укутанные с головы до пят в какие-то саваны только им понятных модных трендов времен вечной зимы и ночи, в мышиного цвета пальто и полушубки с претензией на coquetterie, кургузые курточки и полуфренчи, в асексуальные брюки и громоздкие боты, внезапно, вдруг и словно сговорившись, разом, взяли и разделись…

Скинули с себя почти все, почти донага, оставив только тонкую дымку загадочности на все еще по-зимнему бледной коже. Бесстыже обнажились, как мифические нимфы в лунную ночь первого купания, а ты что-то не понял… не уловил… опять упустил. И лишь понял, что лето внезапно пришло, громыхнуло июньской грозой, свалилось на хмельную голову… и что жизнь проходит, пролетает, проползает мимо…

И вот уже при еще нечетком виде какой-нибудь такой летней незнакомки, по какому-то непонятному наитию в самый срок обнажившей свою еще матовую кожу, гордо, с видом княгини Монако Грейс Келли вышагивающей по неровному тротуару, словно по парижскому подиуму в свете ослепляющих софитов, и покачивая в такт мерному постукиванию каблучков неизвестно откуда взявшимися бедрам, твоя грешная плоть, почти всегда во всем послушная, и там, где надо, мерно спящая, вдруг совсем не comme il faut бунтует, восстает, вздыбливается гормональной волной и забывает извечные приличия нашего приличного до оскомы societe, будь оно не ладно.

Женщины – живые, неподдельные фемины, с настоящими ручками, ножками и шейками – вдруг оказывается повсюду, куда бы ты ни шел. На работе они, читая тебя словно открытую книгу, сначала дерзко, с вызовом смотрят серьезно прямо в глаза, словно пришли по одному только им ведомому делу.

Они вносят себя к тебе в офис горделиво, от бедра, ступая так, чтобы их и без того короткие юбки и облегающие платья стали еще короче, натянутее, неприличнее. И чем сильнее напрягаются их летние одежды – у смелого декольте, у кромки талии, на щедром бедре – тем сильнее напрягаешься ты, твой голос, все твое мужское существо.

Они снова дерзко смотрят тебе прямо в глаза, разряжая в тебя электрический разряд недвусмысленного языка своих летних тел, который через широко распахнутые зрачки бьет в беспокойное сердце и мчится дальше, куда-то до самого низа.

Они величественно садятся на предложенный стул и четко отработанным движением закидывают полуобнаженную ногу на ногу, да так, что у тебя пересыхает и без того в высохшем, как летняя пустыня, горле, и ты мигом влетаешь в еще больший ступор, хотя больше уже некуда.

Украдкой, как неопытный вор, ты стреляешь беспокойным взглядом жертвы на ту, что сейчас величественно восседает перед тобой. Если она не смотрит на тебя, а занята чем-то иным – например, читает договор или что-то пишет, ты сначала украдкой, вороватым взглядом бесстыжих глаз скользишь по её обнаженной шее от розовых мочек ушей с аккуратными серьгами до чуть прикрытого газом округлого плеча.

Потом чуть смелее оглядываешь щедрое декольте и срываешься взглядом вниз, словно поскользнувшись, стоит ей пошевелиться, показывая легкое беспокойство, по волнующим воспаленное воображение бедрам, неприкрытой белой коже колен, и ниже к икрам. Чтобы тотчас, как только она снова вернется к своему занятию, возвратиться туда, где ты только что был, и, спрятав свой бесстыжий взгляд довольных глаз, дофантазировать только что увиденное.

После работы, в брызгах ослепительного света белого дня шагая по узким тротуарам и широким мостовым, твой неистовый тестостерон стреляет тебе в одурманенный летом мозг с еще с большей мощью, залп за залпом, почти не давая времени опомниться. При свете дня уставшие, но еще более влекущие женщины волнуют с новой силой.

Ты идешь, почти бесстыже разглядывая их обнаженные ноги, безжалостно утянутые до естественного вида бедра, с королевским достоинством несомую грудь, как в подарок готовым оценить по достоинству, и, лишь опомнившись, в последний момент, встретив их то ли укоряющие, то ли не совсем, глаза, своими, бессовестными, на грани приличия, быстро, но, тем не менее, уже запоздало, почти дерзко их отводишь.

В воздухе невидимым туманом стоит не только возбуждающий дурман пьянящей акации и терпкого пота. В воздухе неистово пахнет сексом. Кажется, что невидимые феромоны, смешавшись со сладкими ароматами цветов, солнца и человеческих тел, проникают везде, во все поры, во все места скопления человеческих тел, опьяняя и одурманивая.

Мимо мелькают новые и новые женские образы. Новые полуобнаженные непокорные Евы, прекрасные Елены и романтические Лауры, покачивая полными бедрами и трепеща сладкими персями, эротической фантасмагорией недоступного, как в дымке сюрреалистичного, проплывают мимо, мило улыбаясь.

Тестостерон с новой силой взрывается в воспаленном мозгу, взрывной волной отбрасывая этические правильности и социальные приличия, заставляя до сих пор послушное мужское начало с трудом балансировать на грани дозволенного и недозволенного, красивого и безобразного, приличного и неприличного. Хотя... у природы нет понятий красивого и безобразного, приличного и неприличного. Все это – выдумка человеческая, себе в наказание.

В тумане фантазий, как в наркотическом кайфе эротической свободы, я добираюсь до дома. Дома я выпиваю залпом бокал холодного Karlsberg, задумчиво разогреваю вчерашнее овощное соте и, стряхнув с себя остатки чувственного наваждения, постепенно прихожу в себя.

Автор - **Игорь Ткачев**
Источник